

Процедура

Морок В. Е

18+

Книги о памяти, выборе и цене молчания

Морок В.Е
Процедура

«Автор»

2026

Морок В.Е

Процедура / Морок В.Е — «Автор», 2026 — (Книги о памяти, выборе и цене молчания)

Бывший следователь Воронцов живёт в сером промышленном городе — пьёт, не работает, не вспоминает. Мать убитой девушки приходит к нему, потому что полиция не слушает, а бывший муж хочет замять. Воронцов берёт дело — и в квартире жертвы чувствует запах, который знает слишком хорошо. Теперь ему придётся вернуться туда, где он перестал быть следователем. И где, возможно, перестал быть собой.

© Морок В.Е, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение	5
ГЛАВА 1. «Причал»	6
ГЛАВА 2. «Клиент»	9
ГЛАВА 3. «Запах»	13
ГЛАВА 4. «Костров»	17
ГЛАВА 5. «Три раза»	21
ГЛАВА 6. «Журналистика»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Процедура

Введение

Город маленький. На окраине — остовы цехов. Рёбра из ржавого металла, перекрытия без крыши, труба без дыма. Заводы закрыли, трубы не курят, но копоть всё равно садится на снег. Серый снег. Серые лица. Серое небо.

В баре «Причал» пьют водку. Или кофе. Или не пьют. Толя за стойкой протирает одно и то же место. Старики играют в домино. Телевизор без звука. Газета на стойке. Кто-то забыл.

Он не брал дел. Полгода. Развёлся. Съехал. Квартира на третьем этаже, окно на забор с трещиной. Бутылка на столе, стакан, пепельница. Просыпался, пил кофе, шёл в «Причал». Толя ставил бутылку. Он наливал. Каждый день.

Потом — заметка в газете. Мелкая, нецентральная. «Тело молодой девушки найдено в квартире на Заводской улице». Он прочитал первую фразу. Дальше не стал.

ГЛАВА 1. «Причал»

Воронцов проснулся от того, что за окном снова шёл снег.

Он не слышал его — просто знал. Как знал и то, что сегодня ничего не изменится.

Серый свет сочился через окно. Декабрь.

Он сел на край кровати. Простыня сбилась в ком. Одеяло на полу — спихнул ногой, так и лежало. Ноги коснулись линолеума. Холодного, липкого. Пальцы поджались.

Квартира — одна комната. Третий этаж. Окно на забор с трещиной, за забором — остовы цехов. Рёбра из ржавого металла, перекрытия без крыши, труба без дыма. Утром они серые. Вечером чёрные. Сейчас серые.

На столе стояла пустая бутылка. «Хлебный дар», пол-литра. Рядом стакан, на дне плёнка воды. Пепельница полная. Он не помнил, когда курил последний раз.

Встал. Потянулся — хрустнуло в спине, потом в шее. Не больно. Привычно.

Три шага до кухни. Холодильник гудел. Налил воды из-под крана. Выпил стакан. Потом второй. Вода пахла железом.

Поставил чайник. Конфорка занялась с третьего щелчка. Пока грелась, стоял у окна.

Снег шёл. Мелкий, косой. Не белый — серый. Копоть из труб, которые давно не дымили, всё равно садилась на снег. Он не думал об этом. Просто видел.

Чайник щёлкнул. Насыпал кофе в кружку — ложку с горкой, потом ещё. Залил кипятком. Размешал. Ложка осталась в кружке. Вытаскивать не стал.

Закурил. «Ява», синяя пачка. Первая затяжка — горло сжалось, глаза защипало. Выдохнул в окно. Дым лёг на стекло и неохотно стёк вниз.

Смотрел на цеха. Не думал. Просто смотрел.

Кофе остыл до терпимого. Выпил в три глотка.

Зеркало в прихожей. Узкое, треснутое снизу, висело криво — один винт выпал. Он встал перед ним.

Лицо. Сорок семь. Выглядел на пятьдесят пять. Кожа серая, под глазами мешки — не тёмные, а желтоватые, как синяки, которые зажили не до конца. Щетина — не щетина, а просто волосы, которые он не брил четвёртый день. Седина в бороде, седина на висках. Губы потрескались. Глаза серые, без выражения. Не усталые — пустые.

Он не отводил взгляд. Не потому что было интересно. Просто не было причины отвести.

На стене за кроватью — квадрат. Светлее остальной стены. Ровный, со стороной в тридцать сантиметров. Тут что-то висело. Рамка — по форме пятна. Не помнил, что в ней было. Фотография, лист, диплом — не помнил. Полгода назад снял. Или год. Не помнил.

Бельё в шкафу. Три рубашки — одна белая, две серые. Брюки. Свитер. Достал свитер, натянул. Ботинки у двери — надел, не шнуруя. Шнурок на правом порвался, завязал узлом. Куртка на вешалке — тёмная, с капюшоном, на ватине. Карманы: ключи, сигареты, зажигалка, пятьсот рублей мелочью.

Вышел. Дверь захлопнулась. Лестничная клетка пахла сыростью и кошками. Лифт не работал — не работал последний год. Спустился пешком.

Бар «Причал» стоял на углу Заводской и Пролетарской. Двухэтажный, кирпичный, когда-то красный — теперь бурый. Вывеска деревянная, крашеная: «Причал». Буквы кривые. Кто-то давно рисовал от руки. Под вывеской — ступеньки, три, бетонные, со сколом на второй. Дверь железная, обтянута кожзаменителем, который облез.

Он пришёл в семь. Толя стоял за стойкой. Толстый, немолодой, в фартуке, который был белым утром и серым к вечеру. Кивнул. Он кивнул.

Сел на своё место — крайний стул у стены. Толя поставил стакан и бутылку, не спрашивая. «Хлебный дар». Та же, что стояла утром на его столе.

Налил. Стакан до краёв. Выпил. Не закусил. Водка прошла по пищеводу — тепло, потом холод. Желудок сжался, отпустил.

Телевизор на кронштейне под потолком. Экран светился — новости, без звука. Диктор двигал ртом, внизу бежала строка. Он не читал.

Два старика сидели у окна. Домино. Костяшки стучали — тихо, деревянно. Один в кепке, другой без. Не разговаривали. Ходили, стучали, забирали. Один снял кепку, вытер лысину, надел.

Он налил второй. Выпил. Тело не отозвалось. Не тошнило, не кружилось. Руки не дрожали. Он не пьянел — или не показывал. Граница стёрлась давно.

Толя протирал стойку. Тряпка серая, вода в ведре серая. Протирал одно и то же место — не от усердия, от привычки. Бар был пуст, кроме стариков и его. Толя протирал, потому что надо было что-то делать руками.

Третий стакан. Толя не смотрел. Налил сам. Выпил. Поставил стакан. Толя подошёл, убрал бутылку — поставил под стойку, не убирая далеко. Это означало: «хватит» или «потом». Толя не говорил. Он не говорил.

На стойке, у стены, под локтем — газета. Районная. Четыре полосы, коричневая от дешёвой бумаги. Лежала с утра — кто-то забыл. Он не читал газет. Не помнил, когда последний раз.

Рука лежала рядом. Он не тянулся. Но глаз скользнул — по привычке, по старому, по тому, что не выключить. Заголовок на второй полосе, снизу. Мелкий, нецентральный. Корреспондент — не подписался.

«Тело молодой девушки найдено в квартире на Заводской улице».

Он смотрел на строчку три секунды. Потом прочитал первую фразу: «Вчера вечером в квартире на Заводской улице обнаружено тело...» Дальше не стал.

Заводская. Пятиэтажка. Одна. Парень был, значит, есть. Всегда есть.

Он перевернул страницу. Спорт. Результаты матчей, которых он не смотрел. Кроссворд — недозаполненный, кто-то бросил на половине.

Не его дело.

Он не брал такие дела. Он не брал никаких дел. Последнее — полгода назад. Развёлся супруг. Пропала собака. Нашёл собаку. Получил деньги. Потратил. Это было всё.

Толя поставил кофе. Чёрный, без сахара. Не просил — просто поставил. Он обхватил кружку обеими руками. Пальцы согрелись.

Старики ушли. Домино — в мешочек, мешочек — в карман. Один кивнул Толе. Другой не кивнул. Дверь хлопнула. Бар стал тише.

Он сидел. Кофе остывал. Водка стояла под стойкой. Толя мыл стаканы. Один, второй, третий. Вода в раковине булькала. Телевизор шёл без звука.

Без десяти десять. Толя вытер руки. Сказал, не глядя:

— Закрываю.

Он встал. Куртка — со спинки стула. Натянул. Капюшон — на голову. Достал сигарету. Не закурил — вышел, закурил на улице.

Снег шёл. Мелкий, сухой, ложился на асфальт и тут же серел. Копоть. Всегда копоть.

Улица пустая. Фонарь над перекрёстком мигал — разгорался, тух, разгорался. Между вспышками — темнота, плотная, как вата.

Он шёл по краю тротуара. Лужи затянуло коркой — тонкой, пробиваемой. Ноги скользили, но он не замедлял. Тело знало дорогу. Ноги знали неровности — где яма, где лёд, где асфальт вздулся от мороза.

Мимо ларька — тёмного, с решёткой. Мимо гаражей — ржавые ворота, замки, цепи. Мимо пятиэтажки — окна тёмные, одно жёлтое на втором этаже. Кто-то не спал. Или забыл выключить.

Повернул на Набережную. Река.

Она лежала в низине, между берегами. Чёрная. Неподвижная. Лёд у берегов — серый, неровный, с трещинами. Посередине — вода. Чёрная, гладкая, без бликов. Фонарь не доставал.

Он прошёл мимо. Не остановился. Голова повернулась — на ходу, как у птицы, без замедления шага. Посмотрел. Дальше.

Ноги. Шаги. Снег скрипел — не звонко, а глухо, как по песку. Копоть набивалась в протектор ботинок.

Подъезд. Дверь тяжёлая, пружина тянула обратно. Вошёл. Тёмно. Лампочка на втором этаже не горела — не горела третий месяц. Поднялся. Третий этаж. Ключ в замке — провернул, дверь открылась.

Квартира. Тёмная. Свет не включил. Снял ботинки. Куртку повесил. Сел на кровать.

Руки. Посмотрел. Пальцы красные от холода, костяшки обветренные. Ногти короткие, чистые. Ладони сухие, без мозолей. Руки следователя. Не рабочие, не сильные. Когда-то они держали ручку, составляли протоколы, подписывали ордера. Теперь лежали на коленях и ничего не делали.

Он сжал кулаки. Разжал. Пальцы хрустнули — беззвучно.

Лёг. Одеяло с пола — потянул, накрылся. Сигареты на тумбочке. Телефон на тумбочке. Бутылки на столе не было — выбросил утром. Пепельница пустая — вымыл.

Потолок. Трещина от угла к центру — давно, не росла. Пятно в углу — сырость. Квадрат на стене, светлее, где рамка. Не помнил, что в ней было.

Тело лежало. Глаза открыты. Снег за окном шёл. Фонарь мигал — отсюда, с третьего этажа, было видно, как он дёргается, будто пытается решить: гореть или нет.

Он не спал.

ГЛАВА 2. «Клиент»

Семь тридцать. Телефон на тумбочке задребезжал — не мелодия, вибрация, коротко и сухо. Экран загорелся. Незнакомый номер. Местный.

Он смотрел. Телефон дрожал на тумбочке, пододвигая стакан с водой. Вода колыхалась.

Затих. Через десять секунд — снова. Тот же номер. Экран мигал в темноте комнаты, шторы задёрнуты, свет от экрана лёг на потолок — белый, ровный, чужой.

Он протянул руку. Не к трубке — к кнопке сбоку. Выключил звук. Телефон продолжал вибрировать. Третий раз. Потом четвёртый. Экран гас и загорался. Он перевернул телефон экраном вниз.

Тишина.

Он лёг. Одеяло скомканное, подушка холодная. Потолок — трещина от угла к центру, пятно сырости. Квадрат на стене, светлее. Не помнил, что в рамке.

Лежал.

Телефон не звонил. Прошло двадцать минут. Может, тридцать. Он не смотрел.

Стук. Не в дверь — в стену рядом с дверью. Сухой, костяшкой, три раза. Ровно. Без спешки.

Он сел. Ноги на пол, линолеум холодный. Посмотрел на часы. Восемь сорок.

Стук — снова. Три раза. Тот же ритм.

Встал. Натянул свитер — тот, серый, со вчерашнего вечера. Ботинки у двери. Не шнуруя. Правый шнурок — узел. Штаны — те, в которых спал. Не переоделся.

Дверь. Щёлкнул замок. Открыл.

На пороге — женщина.

Лет пятьдесят. Лицо гладкое, ухоженное. Кожа не обветренная, руки не красные. Не из этого района. Пальто длинное, тёмно-серое, шерстяное. Воротник высокий. Кожаные перчатки. Сумка — чёрная, небольшая, держит обеими руками, прижав к животу. Пальцы белые — не от холода. От давления.

Волосы короткие, крашенные, без седины. Не стрижка из парикмахерской на углу. Серьги — маленькие, золотые. Туфли — чёрные, чистые, без следов копоты.

Она смотрела на него. Глаза карие, сухие. Не плакала. Плакала раньше — следы были: веки припухшие, краснота под ресницами. Но сейчас — нет. Сейчас держалась.

— Мою дочь убили, — сказала она. — Мне сказали, вы раньше были следователем.

Голос тихий. Ровный. Школьная учительница, которая объявляет отметки.

Он смотрел на неё. Не на лицо — на руки. Пальцы в перчатках сжимали ручку сумки. Костяшки белые. Кожа на перчатках тонкая, дорогая. У большого пальца левой — разошёлся шов. Нитка торчала. Чёрная на чёрном, но он видел.

— Заходите, — сказал он.

Она вошла. Остановилась в прихожей. Осмотрела — не любопытно, оценивающе. Кровать, стол, стул, шкаф. Бутылки не было — выбросил. Пепельница пустая — вымыл. Квадрат на стене. Окно, остовы цехов за забором.

Села на стул. Единственный. Поставила сумку на колени. Руки — поверх, пальцы сцеплены. Сумка между ней и квартирой. Барьер.

Он стоял у двери. Не сел на кровать. Не прислонился к стене. Стоял.

— Ирина Дмитриевна, — сказала она, — фамилию — как заполнение протокола. — Котова.

Он кивнул.

— Идите в полицию, — сказал он. — Там Костров ведёт. Молодой, грамотный. Найдёт. Она молчала. Не шевелилась. Глаза — на нём, но смотрели сквозь. Не моргала.

Потом, тихо:

— Я была у него. Он меня не слушал. Он слушал только себя.

Он моргнул. Два раза подряд. Глаза защипало, он отвёл взгляд — в окно, на остовы цехов. Две секунды. Три. Потом повернулся.

— Расскажите, — сказал он.

Дочь. Мария. Двадцать три. Студентка. Факультет журналистики, последний курс. Жила одна — квартира на Заводской улице, снимала. Не общежитие, отдельная. Мать платила. Отец — помогал, когда не забывал.

Отец — Дмитрий Сергеевич Котов. Автосервисы. Три точки в городе, одна за городом. Родители в разводе — шесть лет. Мать ушла. Отец остался. Деньги — были. Внимания — нет.

— Он хочет замять, — сказала она. Голос не изменился — та же ровность, та же тишина. — Брезгует.

— Брезгует чем?

— Всем этим. Полицией. Разговаривать. Отвечать на вопросы. Его дочь убили, а он не хочет, чтобы об этом знали.

Она разомкнула пальцы. Сцепила снова. Костяшки белые.

— Я одна хочу знать, кто это сделал.

Он слушал. Стоял у двери, руки вдоль тела. Не скрещивал. Руки следователя — привычка: не прятать, не закрываться. Открытые ладони. Человек видит открытые ладони — доверяет. Он знал это двадцать лет. Делал автоматически.

— Мария жила одна. Друзья, подруги — были. Парень — был. Расстались. Месяца три назад. Он приходил. Два раза, мне говорила. Нормально. Без скандала.

— Имя парня?

— Денис. Фамилию не знаю.

— Кто-нибудь ещё приходил?

— Она не рассказывала. Мы говорили по телефону — раз в неделю, по воскресеньям. Она не жаловалась. Не из тех, кто жалуется.

— Что она рассказывала?

— Учёбу. Диплом. Стажировку в газете. Собаку подруги. Что устаёт. Обычное.

Она замолчала. Пальцы сцеплены. Глаза — на стене, на квадрате, где рамка. Смотрела, но не спрашивала.

Он ждал.

Она заговорила — не сразу. Пауза длинная, пять секунд, может, больше. Голос изменился. Стал тише. Не мягче — тоньше. Как нить, которую натянули, и она звенит.

— Она была такая живая. Всё делала быстро. Бегала, смеялась, ела на ходу. Она несла печенье в кармане куртки — всегда несла. Ела на ходу, как ребёнок. Печенье крошилось, карман был в крошках. Я говорила: «Маша, сядь и поешь нормально». А она смеялась.

Она не плакала. Голос ровный. Сухой. Но руки разомкнулись. Ладони легли на сумку — плоско, пальцы растопырены, как будто держали что-то и отпустили.

Он смотрел не на неё. На перчатки. Лежали на коленях, рядом с сумкой. Левая — у большого пальца шов разошёлся. Чёрная нитка торчала, загнутая. Он смотрел на нитку.

Тишина. Пять секунд. Десять.

— Двадцать тысяч в месяц, — сказал он. — Аванс — десять.

Она подняла глаза. Не удивилась. Не обрадовалась. Кивнула. Один раз.

Достала конверт из сумки. Белый, без надписи. Не запечатан. Открыла — пальцы двигались чётко, привычно. Внутри — деньги. Пятитысячные купюры. Новые, хрустящие. Она считала — не торопясь, губы шевелились.

Достала две бумажки. Протянула.

Он взял. Две купюры, сложенные вдвое. Сунул в карман свитера, не глядя. Остаток в конверте — она держала, протягивая ему.

Он не взял. Взял конверт из её рук, перевернул — деньги высыпались ей на колени. Купюры разлетелись — одна упала на пол. Он не поднял. Она не подняла.

— Аванс, — сказал он. — Остальное — по факту.

Она собрала деньги. Не суетливо. По одной, с колен, с пола. Сложила в конверт. Конверт — в сумку. Сумку застегнула. Руки — снова на сумке, пальцы сцеплены.

— Когда? — спросила она.

— Сегодня. Я схожу. Посмотрю.

Она встала. Стул скрипнул. Пальто расправила — машинально, рукой в перчатке. Провела по ткани, разгладила несуществующую складку. Туфли — чёрные, на полу, у двери. Надела, не наклоняясь — ступнёй, привычно.

— Спасибо, — сказала она.

Он не ответил. Просто открыл дверь. Она вышла. Шаги по лестнице — ровные, тихие. Дверь подъезда — щелчок. Тишина.

Он закрыл дверь. Встал. Две купюры в кармане свитера. Вытащил. Посмотрел. Новые, плотные, мелкая сетка водяных знаков. Положил на стол. Рядом — пустая пепельница, чистая.

Закурил. Стоял у окна. Остовы цехов. Снег. Серый свет.

Нитка на перчатке — чёрная, загнутая, торчала из шва. Он видел её.

Вышел в двенадцатом. Сигареты, зажигалка, ключи, деньги — в карманах. Куртка, капюшон. Ботинки зашнуровал. Оба. Узел на правом не развязал — некогда было, и незачем.

Шёл пешком.

Через двор — пустой, качели без сидений, столб без фонаря. Через проходной двор — гаражи, ржавые ворота, цепи. Через улицу — ларёк закрыт, решётка, замок.

Дорога — час. Можно было автобусом, двадцать минут. Он шёл. Ноги знали.

Забор с трещиной — прошёл вдоль. Ладонь по бетону. Холодный, шероховатый. За забором — остовы цехов. Рёбра, перекрытия, труба. Снег на ржавчине — серый.

Кто знал, что живёт одна. Кто приходил. Круг — сузить. Парень — есть, всегда есть. Родители в разводе — обе стороны могут прятать.

Думал коротко. Обрывками. Не задерживался на одной мысли. Ноги шли. Голова работала. Отдельно.

Река. Мимо. Чёрная, неподвижная. Лёд у берегов — серый, неровный. Посередине — вода. Не смотрел. Голова повернулась — на ходу, без замедления. Дальше.

Мимо автобусной остановки — стекло с трещиной, расписание без половины. Мимо магазина — тёмного, вывеска сорвана, один угол держится. Мимо пятиэтажки — окна, тёмные и жёлтые, балконы с бельём, спутниковые тарелки.

Заводская.

Пятиэтажка. Панельная. Швы между плитами — чёрные от сырости. Балконы — кто-то застеклил, кто-то нет. На втором этаже — бельё, мокрое, замёрзшее, торчит как флаг.

Подъезд. Домофон на стене — экран тёмный, кнопки без цифр. Сломан. Дверь приоткрыта, подложен кирпич. Не заперта.

Вошёл. Лестничная клетка тёмная, лампочка на первом этаже горит, на втором — нет. Пахнет сыростью, кошками, краской — старой, масляной, из подвалов.

Лестница. Ступени бетон, крашенные, краска облупилась. Перила холодные. Второй этаж. Третий.

Дверь. Обычная — деревянная, оббитая кожзаменителем, облупленным по краям. Замок — один, врезной, цилиндрический. Накладки нет. Щель — свет из квартиры не идёт. Тёмная.

Скотч на косяке — два куска, крест-накрест. Был опечатан. Сняли — следы клея на косяке, полосы серые, липкие. Края скотча рваные, кто-то драл быстро, не аккуратно. Не опечатана.

Он стоял. Рука в кармане — достал сигарету. «Ява», синяя пачка. Положил в рот. Не закурил. Держал.

Стоял у двери. Сигарета в зубах. Руки — в карманах куртки. Снег за окном на лестничной площадке не шёл, но было холодно, сквозило из щелей. Лампочка не горела. Тишина.

Дверь. За ней — квартира. Девушка, которая несла печенье в кармане куртки.

Он стоял. Не входил.

ГЛАВА 3. «Запах»

Сигарета в зубах. Руки в карманах. Он стоял у двери и смотрел на замок — один, врезной, цилиндровый. Накладки нет. Личинка поцарапана — открывали и ключом, и чем-то ещё. Отвёрткой, может быть. Но не выламывали. Замок целый.

Достал сигарету изо рта. Сунул за ухо. Положил руку на ручку. Нажал.

Дверь открылась. Не скрипнула. Петли смазаны.

Прихожая. Узкая, метра полтора в ширину. Слева — крючки, три. Справа — полка, узкая, на уровне пояса. На полу — коврик. Резиновый, с рисунком: листья. Чёрные на сером. Чистый.

На вешалке — куртка. Джинсовая, с меховым воротником. Воротник искусственный, но густой, крашенный. Куртка висела ровно, не перекошена. Карман слева — оттопырен. Что-то внутри. Он не тронул. Пока.

Обувь — у стены, носками к двери. Три пары. Ботинки — зимние, коричневые, на шнурках, подошва толстая. Кроссовки — белые, когда-то, теперь серые, шнурки развязаны. Летние туфли — балетки, чёрные, стоптанные с внутренней стороны. Все три пары аккуратно. Так ставят, когда торопятся — схватил и вышел, потом поставил обратно. Привычка.

На полке — связка ключей. Два ключа и брелок. Брелок — кошка. Пластиковая, белая, с розовыми ушами. Один ус отломан. Рядом — проездной в пластиковом чехле и чек из аптеки. Он взял чек. Дата — за два дня до. «Парацетамол. Витамин С». Не болела — простудилась. Или береглась.

Положил чек обратно. Точно туда, где лежал. Рука задержалась — на полке, на пластике проездного. Отпустил.

Комната. Одна. Двери нет — проём, занавеска. Ткань, серая, отодвинута.

Кровать. Односпальная, у стены. Не заправлена — но не смята. Одеяло откинута на одну сторону, подушка примята. Легла, не ложилась. Или легла и сразу встала. Он смотрел на подушку. Вмятина — узкая, по центру. Голова лежала, но недолго.

Тумбочка у кровати. стакан — вода, недопитая. Треть. На стенке — отпечаток губ. Не помада, просто след. Рядом — телефон. На зарядке. Шнур от зарядки шёл к розетке за тумбочкой. Экран тёмный. Он не трогал.

Книжка. Тонкая, в мягкой обложке. Посмотрел обложку. Сборник статей. Журналистика. Загнутая страница — сто двенадцатая. Она читала. Или перечитывала. Он положил на место.

Стол. У окна. Ноутбук — закрытый, на нём отпечаток ладони. Пыль садится, ноутбук стоит, ладонь отпечаталась. Кружка — чай, остывший. Пакетик висел на ручке, высох. Чай чёрный, без молока, без сахара — он не видел, но по цвету знал. Рядом — пакетик с печеньем. Прозрачный, не закрыт. Три печенья внутри. Остатки. Крошки на столе, вокруг пакетика.

Он смотрел на крошки. Мелкие, светлые, на тёмной поверхности стола. Она ела здесь. За столом. Или ходила по комнате и ела.

На стене — фотографии. Прикреплены кнопками, не в рамках. Пять. Первая — с подругами, трое, руки на плечах, смеются. Вторая — с родителями. Мужчина и женщина по стононам, девушка между. Мужчина загорелый, крепкий. Котов. Женщина светлая, спокойная. Мать. Третья — собака. Большая, рыжая, высунула язык. Чья — не его дело. Четвёртая — девушка одна. На мосту, или на набережной. Река за спиной, серая. Ветер в волосах. Улыбка. Пятая — девушка и парень. Парень тёмноволосый, невысокий. Обнял за плечо. Она не улыбалась. Серьёзная. Он посмотрел на эту фотографию дольше. На парня. Запомнил лицо.

Кухня. Два шага от комнаты. Перегородка — не стена, гипсокартон. Плита, раковина, холодильник — маленький, под столом. Стол — разделочный, деревянный.

На доске — нож. Большой, кухонный. Лук — половина, очищенная. Морковь — нарезанная, кружками. Три кружка упали с доски, лежали на столе. Она нарезала. Торопилась или её прервали.

Плита. Кастрюля — средняя, эмалированная, с отколом на ручке. Крышка. Он снял. Суп. Картофель, крупно. Лук, морковь — плавали на поверхности. Сверху — плёнка. Жирная, застывшая. Суп остыл давно. Он смотрел на плёнку. Она готовила. Нарезала, поставила, а потом — не вернулась.

Накрыл крышкой. Ручка холодная. Стол — холодный. Лук — срез подсох. Давно.

Ванная. Дверь — МДФ, белая, с пятном внизу. Ручка — круглая, латунная. Он положил руку на ручку. Повернул.

Дверь открылась.

Запах ударил. Не постепенно — сразу. Дверь была закрыта, воздух стоял. Он вошёл — и запах накрыл, как тёплое полотенце, брошенное на лицо.

Сладковатый. Синтетический. С химической нотой. Дешёвый, густой. Не парфюм. Что-то проще, интимнее. Гель для душа.

Флакон на полке. Пластиковый, без этикетки. Местный, с рынка. Полупустой. Крышка — щелчок, не закручена до конца. На полке — мокрое кольцо, от дна флакона.

Шампунь — рядом, в бутылке с этикеткой. Бритва — одноразовая, в чехле. Крем для рук — маленький, тюбик, выдавлен до конца. Полотенце — на краю ванны. Мокрое. Не высохло. Серое, с белой полосой.

Он стоял в дверях. Ноздри раздувались. Запах шёл из ванной, из полки, из флакона, из мокрого полотенца. Весь воздух в этом маленьком пространстве — был этот запах.

И он замер.

Не остановился — замер. Тело перестало двигаться. Ноги на пороге, рука на ручке. Он стоял и дышал этим воздухом. И знал его.

Не подобный. Не похожий. Этот.

Точно этот.

Руки похолодели. Сначала пальцы — по очереди, от кончиков. Потом ладони. Он сжал кулаки — пальцы не слушались. Разжал. Сжал снова.

В груди — провал. Не боль. Пустота. Как в комнате, где вынесли мебель. Стены есть, пол есть, а внутри — ничего. Воздух.

Он шагнул в ванную. Ноги не держали. Рука метнулась к раковине. Схватил край. Керамика холодная, гладкая. Пальцы побелели. Он стоял, наклонившись, глаза в раковину. В раковине — капли, не высохшие. Она чистила зубы. Или умывалась. Капли.

Другая квартира.

Он видел — не с закрытыми глазами, не как сон. Как картинку, висящую перед ним. Прозрачную, поверх этой ванной, поверх этого зеркала.

Квартира на окраине. В другом районе. В другой жизни. Панельная пятиэтажка, второй этаж. Он стоял в дверях — тогда в форме. Рубашка синяя, погоны, ботинки начищенные. Ему было сорок. Он был следователь. Один из лучших. Он пришёл извиниться.

Квартира пустая. Мать ушла — оформлять документы. Документы на смерть. Отец не вышел из комнаты. Дверь закрыта, за дверью — тишина. Он постоял — и зашёл на кухню.

Кухня. Стол. Недопитый чай — стакан, остывший. Телефон — на зарядке, экран тёмный. Пакетик чая — на блюде, высохший. И печенье. Надкусанное. Кусок лежал на столе, рядом с пакетом. Парень ел. Когда за ним пришли — ел.

Он стоял на кухне и смотрел на печенье. Потом — ванная. Дверь открыта. Он вошёл. Запах — этот. Сладковатый, синтетический. Дешёвый гель для душа с рынка. Флакон на полке, без этикетки. Парень пользовался им каждый день. Мылся. Вытирался. Шёл на работу. Утром

— гель, вечером — чай, печенье, телефон на зарядке. Каждый день. Не знал, что вечером его арестуют по обвинению, которое составил следователь, который знал, что прав.

Он стоял в той ванной и думал: парень просто мылся. Просто мылся и шёл на работу.

Он стоял в этой ванной. Держался за раковину. Капли на дне — её. Мокрое полотенце — её. Запах — её. И — его. Тот самый.

Она мылась. За полчаса до того, как кто-то вошёл и убил. Тёплая вода, дешёвый гель, пар на зеркале. Вытерлась. Надела одежду. И — дверь.

Он отпустил раковину. Пальцы разжались — медленно, по одному. На кромке остались следы — белые, от давления. Он посмотрел на свои руки. Пальцы дрожали. Он сжал кулаки. Дрожь ушла. Не сразу. Через пять секунд. Через десять.

Вышел из ванной. Закрыв дверь. Прислонился спиной к стене. Стена холодная, бетон, обои тонкие. Лопатки прижаты. Затылок к стене. Стоял.

Прошёл в комнату. Сел на кровать. Матрас мягкий, пружины под тканью. Он сел на край, ногами в пол. Руки на коленях. Ладони вниз.

Совпадение. Дешёвый гель, им полгорода пользуется. Рынок, один продавец, три сорта — все одинаковые.

Почти верил.

Ладони на коленях. Пальцы не двигались. Он смотрел на них — свои руки. Руки следователя. Не рабочие. Не сильные. Руки, которые двадцать лет составляли протоколы, подписывали ордера, вели матерей в тихие комнаты. Руки, которые ничего не держали — ни молотка, ни руля, ни оружия. Только ручку.

Он встал. Натянул куртку — не помнил, когда снял. Руки привычно, в рукава. Молния вверх, до горла. Обулся. Ботинки. Сигареты в кармане. Зажигалка. Ключи.

Вышел в прихожую. Остановился у вешалки.

Куртка. Джинсовая, с меховым воротником. Висела на крючке. Он смотрел на неё. Рука поднялась. Машинально. Тронул воротник. Мех мягкий, густой. Пальцы прошли по ворсу. Вниз, к лацкану, к карману.

Карман оттопырен. Он просунул два пальца внутрь. Бумага. Нет — салфетка. Завёрнуто что-то. Достал.

Салфетка белая, бумажная, сложена вчетверо. Развёрнул. Печенье. Половинка. Овсяное, светлое, с тёмными вкраплениями — изюм, может быть. Надкусанное. След зубов ровный, мелкий. Она откусила. Завернула остаток в салфетку. Сунула в карман.

Он стоял в прихожей, держа печенье на ладони. Салфетка в другой руке. Печенье сухое. Твёрдое. Лёгкое.

Он вспомнил.

Та кухня. Тот стол. Надкусанное печенье. Парень ел, когда за ним пришли. Ел — потому что было утро, потому что завтракал, потому что не знал. Не знал, что вечер принесёт. Что следователь уже всё решил. Что протокол уже составлен — в голове, до бумаги. Что мать уже скажет то, что нужно, в тихой комнате, под мягкие вопросы. Что адвокат будет молчать. Что через трое суток парень повесится в камере — на простыне, на решётке, ночью.

Парень ел печенье. Она носила в кармане.

Он положил печенье обратно. В салфетку. Завернул. Сунул в карман куртки. Точно туда, где лежало. Поправил воротник. Куртка висела ровно, как раньше.

Вышел. Подъезд — лестница, третий этаж, второй, первый. Дверь — щелчок пружины. Улица.

Снег с дождём. Мокрый, тяжёлый. Крупинки падали на лицо — не таяли, прилипали. Копоть в снеге — серые вкрапления, как грязь в муке. Он не вытирал.

Закурил. Зажигалка — щелчок, пламя, затяжка. Горло сжалось — не от дыма. От чего-то другого. Выдохнул. Дым ушёл в снег, смешался, растворился.

Стоял. Смотрел на дом. Пять этажей, панельный, швы чёрные. Окна — тёмные, жёлтые, тёмные. Третий этаж — второй подъезд, окна слева. Квартира. Тёмные. За тёмными стёклами — комната, кровать, тумбочка, стакан с водой, книжка с загнутой страницей, кастрюля с супом, мокрое полотенце, флакон без этикетки.

Он знал: этот запах теперь будет с ним. Не в этой ванной, не в этой квартире — в нём. Внутри, где-то под рёбрами, где провал. Рана, которая перестала кровоточить — потому что он перестал в неё смотреть. Семь лет не смотрел. А теперь посмотрел.

Затяжка. Сигарета тлела. Кончик красный, потом серый. Пепел падал на куртку, на плечо. Он не стряхивал.

Он стоял и смотрел на окна.

И в этот момент — краем глаза, слева — движение.

Соседний подъезд. Третий этаж. Окно. Мужской силуэт. Плечи, голова. Тёмный — на фоне тёмной комнаты. Стоял у стекла.

Смотрел. Не на окна убитой — на него. Вниз, на тротуар, на человека в тёмной куртке с сигаретой.

Секунда. Силуэт отошёл от окна. Исчез.

Он стоял. Сигарета тлела. Снег с дождём падал на плечи, на голову, на капюшон. Он смотрел на окно, где только что был кто-то. Пусто. Стекло тёмное, мокрое. Ни движения.

Свидетель. Любопытный. Сосед, который видел, как он стоял у подъезда. Или — мужчина, который приходил три раза. Или — никто. Житель, который закрыл шторы.

Он затаился. Выбросил сигарету. Окурок упал в лужу — шипение, пар, тишина.

Повернулся. Пошёл. Ноги по асфальту, по снегу, по лужам. Не оглянулся. Не вернулся. Не поднялся в соседний подъезд, не позвонил, не спросил. Не было причины. Или была — но он не увидел. Не потому что не мог. Потому что смотрел в другую сторону. Внутрь, в провал, в запах, который теперь жил под рёбрами. И всё остальное — окна, силуэты, соседи — было по ту сторону. Дальше.

Шёл. Снег ложился на плечи. Копоть въедалась в ткань. Ноги знали дорогу. Руки в карманах. Пальцы сжатые. Не дрожали.

Он не оглянулся.

ГЛАВА 4. «Костров»

Участок — двухэтажный, кирпичный, когда-то жёлтый. Теперь бурый. Козырёк провис. Дверь стеклянная, одно стекло треснуло, заклеено скотчем.

Внутри — коридор, линолеум, запах хлорки и табака. Дежурный за столом не поднял глаз.

Он прошёл мимо. Лестница. Второй этаж. Кабинет Сытина — третий направо. Дверь открыта.

Сытин сидел за столом. Лицо знакомое. Пятьдесят восемь, может, шестьдесят. Короткая стрижка, седая. Кожа обветренная, в морщинах, но не дряблая. Шея толстая, красная. Руки крупные, с суставами, разбитыми от работы. Китель расстёгнут, воротник рубашки расстёгнут, галстук на спинке стула.

Он поднял глаза. Увидел. Встал. Не быстро — тяжело, упираясь ладонями в стол. Обошёл стол, протянул руку.

— Лёша.

Рука сухая, жёсткая. Пожатие крепкое. Он пожал. Сытин не отпускал сразу — держал, смотрел. Глаза серые, усталые, но живые. Не как у дежурного внизу. Эти работали.

— Садись.

Он сел. Стул деревянный, без обивки. Сытин вернулся за стол. Выдвинул ящик, достал пачку «Явы». Положил на стол — между ними. Не закурил. Положил.

— Ты похудел.

Он кивнул. Не ответил.

Сытин смотрел. Потом отвернулся — к окну. За окном — автостоянка, забор с трещиной, остовы цехов. Серый снег на асфальте.

— Ты по делу?

— По делу.

— Которое?

— Заводская. Девушка.

Сытин не удивился. Кивнул. Достал из ящика папку — тонкую, серую, без надписи. Положил на стол. Не придвинул — положил.

— Костров ведёт. Знаешь?

— Знаю.

— Не знаю, могу ли давать. Формально — нет.

Он молчал. Сытин тоже. Пять секунд. Десять. Сытин придвинул папку. Ладонь на обложке, потом убрал.

— Читай. Здесь не всё. Основное у Кострова.

Он открыл. Первая страница — постановление о возбуждении. Дата, номер, подпись. Костров С. В., следователь. Почерк мелкий, ровный, буквы узкие. Аккуратный. Без помарок.

Вторая — рапорт. Дежурный вызов, адрес, время. Тело обнаружено соседкой. Соседка — Кулагина Н. А., квартира напротив. Зашла — дверь была не заперта. Нашла в комнате. Вызвала полицию.

Третья — протокол осмотра. Он читал. Тело на полу, у кровати. Причина смерти — механическая асфиксия. Следы на шее — пальцевые, без орудия. Борьбы нет. Травмы посмертные — затылок, от падения. Время смерти — ориентировочно, между двадцатью двумя и двумя часами. Эксперт — Дроздова. Знал. Хорошая. Тщательная.

Дальше — показания соседки. Короткие, отрывочные. Не видела, не слышала. Дверь была закрыта — потом открыта. С утра слышала шаги наверху, потом тихо. Потом — тишина.

Показания соседей — три. Первый этаж, пятый, второй. Никто не видел. Никто не слышал. Дом панельный, стены тонкие, но ночью — никого.

Он листал. Сытин сидел, не мешал. Курил — у окна, в форточку. Дым уходил наружу, в снег, в серое.

На стене — фотография. Под стеклом, в рамке, на одном гвозде. Группа — человек десять, в форме. В центре — пожилой мужчина, без кепки, с усами. Слева от него — он. Воронцов. Десять лет назад. Лицо моложе, кожа плотнее, глаза — те же. Погоны майорские. Рукопожатие — пожилой держит его руку, протягивает грамоту. Он улыбается. Не широко. Полуулыбка. Но улыбается.

Он не посмотрел на фотографию. Папка лежала на столе, он читал. Сытин курил у окна. — Лёша.

Он поднял глаза. Сытин стоял у окна, спиной к свету. Лицо — тень.

— Я помню, как ты работал. Лучший. Мягче всех. Чище всех. Я видел, как ты брал людей. Не руками — словом. Они сами приходили. Сами говорили. Ты не давил — ты вёл.

Он молчал.

— Костров — не такой.

Сытин вернулся к столу. Сел. Руки на столе, ладони вниз. Пальцы широкие, с белыми ногтями, коротко стриженными.

— Давит не как мы. Мы давили руками. Он давит головой. Умнее. Но холоднее.

Сытин помолчал. Потёр переносицу — двумя пальцами, медленно. Глаза прикрыл.

— Я его боюсь, Лёша.

Не добавил. Не объяснил. Сказал — и всё.

Он смотрел на Сытина. Сытин не смотрел на него — на стол, на свои руки. Пальцы сцеплены. Костяшки белые. Потом разомкнул. Положил ладони плоско. Стол.

Он кивнул. Вернулся к папке.

Дверь открылась. Без стука.

Человек в дверях — худой. Невысокий, но прямой, как натянутая струна. Короткая стрижка — почти под ноль, ёжик тёмный. Лицо узкое, скулы, подбородок острый. Глаза быстрые. Не бегали — скользили. Дверь, стол, Сытин, он. За секунду — всё.

Одежда простая. Рубашка белая, без галстука. Брюки тёмные. Ботинки чёрные, без каблука. Ничего на руках. Ни кольца, ни часов. Ни цепочки. Ничего, что говорило бы «посмотрите на меня». Он не хотел, чтобы смотрели.

Двадцать восемь. Может, тридцать. Но двадцать восемь.

Он стоял в дверях и смотрел на папку. Потом на него.

— Вы Воронцов? — спросил он. Голос ровный. Не громкий. Не тихий. Точно.

— Был.

— Был, — повторил Костров. Не усмехнулся. Не кивнул. Просто — повторил.

Вошёл. Закрыл дверь. Сел — не спросив. На стул у стены, напротив. Ноги скрестил. Руки на коленях. Сидел прямо, без напряжения. Как сидят люди, которым некуда торопиться.

— Я знаю, кто вы.

Он молчал.

— Сытин дал материалы? — Костров не смотрел на Сытина. Смотрел на него. — Ничего. Пусть. Вы всё равно найдёте меньше, чем я.

Сытин у окна не шевелился. Курил. Не вмешивался.

— Вы работаете по старой схеме, — сказал Костров. — Ноги, опрос, обход. Ходите, стучите, спрашиваете. Я работаю по новой. Данные, связи, мотив.

Голос без вызова. Без презрения. Констатация. Как прогноз погоды: сегодня снег, завтра снег, послезавтра снег.

— А мотив зачем? — спросил он.

Костров чуть наклонил голову. Не удивлённо — с интересом. Как от спортивного интереса.

— Мотив — основание. Без мотива нет преступления. Есть событие.

— Найдёте мотив — подгоните под него факт.

— Это обвинение, — сказал Костров. — Не вопрос. Вы так работали? Сначала факт, потом мотив?

— Сначала факт. Потом мотив. Если есть.

— Фактов нет, — сказал Костров. Ровно. Без раздражения. — Есть показания. А показания дают люди. Люди врут. Мотив не врёт.

Тишина. Сытин курил. Пепел в форточку. Снег за окном серый, мелкий, косой.

«Я работаю по новой». Он слышал. Не слова — интонацию. Не громкость — уверенность. Не напор — спокойствие. Тихое, ровное: «я лучше». Не сказал — прозвучало.

Он знал эту интонацию. Двадцать лет назад — та же. Тихо, ровно, без вызова. «Я лучше». Он так говорил. Не кричал — кто кричит, тот не уверен. Он был уверен.

Костров встал. Не резко — поднялся, как поднялся. Поправил рубашку — машинально, рукой, без зеркала. Посмотрел на Сытина.

— Виктор Палыч, допрос Кулагиной в три. Не забудьте.

Сытин кивнул. Костров вышел. Дверь закрылась — тихо, без щелчка. Просто закрылась.

Он сидел. Папка на столе, открытая. Страница — протокол осмотра, синяки на шее, время смерти, эксперт Дроздова. Он не читал. Смотрел на буквы, не видя.

Сытин вернулся к столу. Сел. Не курил — докурил, затушил в жестянке из-под гвоздей. Банка на подоконнике, полная окурков.

— Ну? — спросил Сытин.

Он закрыл папку. Положил руку на обложку. Серая, без надписи.

— Умный, — сказал он.

— Умный, — согласился Сытин.

— Но молодой.

Сытин не ответил. Ждал. Он знал — Сытин ждал. Двадцать лет ждал — после слов, после пауз, после мыслей. Терпеливый. Оттого и работал с ним — не перебивал.

Молодой. Не понимает, что мотив — это тоже человек. Человек придумывает мотив, чтобы объяснить поступок. А поступок часто без мотива. Просто потому что устал. Или испугался. Или не смог не сделать.

Он встал. Папку не взял. Сытин уберёт. Или нет — это его риск. Его старая дружба, его стол, его окно на остовы цехов.

— Спасибо, Виктор Палыч.

— Лёша.

Он остановился у двери. Не обернулся.

— Что?

— Будь осторожен. Он читал твои старые дела.

Пауза. Три секунды. Он стоял спиной.

— Какие дела?

— Не знаю. Он пришёл уже с этим. Спрашивал про тебя, про твои методы. Я думал — ему для работы.

— Кто дал?

— Не знаю, Лёша.

Он кивнул. Запомнил. Вышел.

Крыльцо. Две ступени вниз. Асфальт. Снег с копотью — серый, мокрый, тяжёлый. Крупинки падали на лицо, прилипали. Он не вытирал.

Достал сигареты. Зажигалка — щелчок, пламя. Затяжка. Горло привычно сжалось. Выдохнул. Дым в снег, в серое, в копоть.

Стоял. Руки в карманах. Куртка тёмная, капюшон наброшен. Снег ложился на плечи, на голову, на рукава. Копоть въедалась в ткань — мелкая, чёрная, невидимая. Он не стряхивал.

Забор с трещиной — через дорогу, за автостоянкой. Бетон серый, с пятнами. Трещина сверху вниз, ровная, как шрам. За забором — остовы цехов. Рёбра из ржавого металла. Перекрытия без крыши. Труба без дыма. Снег на ржавчине серый.

Он стоял и смотрел на забор. Сигарета тлела. Кончик красный, потом серый. Пепел падал на ботинок, на асфальт. Он не стряхивал.

Достал телефон. Набрал — не думая, пальцы помнили. Мать. Котова. Номер из входящего, со вчерашнего. Гудок. Два. Три.

— Да?

— Заводская, квартира три. Дверь не заперта. Соседка напротив — Кулагина. Она нашла тело. Я схожу к ней.

— Когда?

— Завтра.

Пауза. Дыхание в трубке ровное. Потом щелчок. Она повесила.

Он убрал телефон. Затянулся. Сигарета до фильтра, горячо. Выбросил. Окурочок упал в лужу у ступенек — шипение, пар. Тишина.

Спустился с крыльца. Повернул направо — мимо автостоянки, мимо забора с трещиной, мимо остовов. Ноги по асфальту, по снегу, по лужам. Шаги ровные, не быстрые. Тело знало дорогу.

Руки в карманах. Пальцы правой сжаты. Лево́й разжаты, болтались. Он не заметил. Шёл. Снег ложился на плечи. Копоть въедалась в ткань. Он не стряхивал.

ГЛАВА 5. «Три раза»

Заводская — утром. Серый свет, снег на асфальте — мокрый, утоптаный. Сугробы по краям тротуара грязные, с окурками и шелухой. Пятиэтажки стояли рядами, одинаковые, панельные, швы чёрные.

Он обошёл дом по периметру. Подъездов четыре. Первый — где жила она. Второй — соседний, где видел силуэт в окне. Третий, четвёртый — дальше, за мусорными баками.

Начал с первого.

Бабка с первого этажа. Дверь открыла не сразу — цепочка, глазок, пауза. Потом щелчок, цепочка снята.

Старая. Семьдесят, может, больше. Халат, тапки, волосы седые, пучок. Кошка за ногами — серая, тощая.

— Вам чего?

— Добрый день. Я по поводу девушки с третьего этажа. Мария.

— Знаю. Убили. Дверь была открыта — я и заходила.

— Вы соседка?

— Соседка. Кулагина. Нина Аркадьевна.

Он знал. Из материалов. Но спросил — проверял.

— Вы видели кого-нибудь у неё? Последние дни?

Бабка смотрела. Глаза мутные, но не пустые. Соображала.

— Какого-то парня видела. Но всех видишь, всех не запомнишь. Тут ходят, ходят. Понаехали.

— Парень — какой? Высокий, низкий?

— Высокий. Или нет. Не знаю. Темно было. Зимой рано темнеет. Я в окно смотрела — может, он, может, другой. У нас каждый вечер кто-то ходит. Вон, газовщики приходили. И сантехник. И курьер.

— Курьер — когда?

— Не помню. Неделю назад. Или две. Я дату не записываю.

Он кивнул.

— Парень приходил вечером?

— Вечером. Но я не смотрю каждый вечер. У меня телевизор. Кошка. Мне не до того.

— Он заходил в подъезд?

— Заходил. Но я не следила. Дверь открывалась, закрывалась. Лифт гудит. Я не знаю, к кому.

— К кому-нибудь ещё приходили? В другие квартиры?

— У нас половина пустых. Второй этаж — никого. Четвёртый — бабка умерла в сентябре, квартира пустая. Пятый — студенты, но их не бывает днём. Ночью — кто их знает.

— Спасибо.

Она не закрыла дверь. Смотрела.

— Вы из полиции?

— Нет.

— А кто?

— Частный.

— Частный, — повторила она. Не удивлённо. Без выражения. Закрыла дверь. Цепочка щёлкнула.

Ларёк — на углу Заводской и Садовой. Стекланный, с вывеской «Продукты». Снаружи решётка, наполовину открытая. Прилавок железный, крашеный. Сигареты, жвачка, зажигалки, шоколадки.

Продавщица — немолодая, в ватнике, поверх фартук. Лицо красное, обветренное. Руки крупные, в ссадинах.

— Сигареты, — сказал он. — «Яву».

Она достала. Положила на прилавок. Он протянул деньги. Она дала сдачу. Он не убирал.

— Вы тут каждый день?

— Каждый. Кроме воскресенья.

— Девушка с третьего этажа — Мария, двадцать три — покупала здесь?

Продавщица посмотрела. Не насторожённо — оценивающе.

— Покупала. Жвачку, иногда воду. По утрам. Рано — к восьми. У неё, видать, учёба.

— Печенье покупала?

— Может. Не помню. У меня народу — полтора в день. Я не записываю.

— Мужчины — кто-нибудь спрашивал про неё?

— Нет. Мужчины сигареты покупают и уходят. Разговоры — это не ко мне.

Он кивнул. Положил сдачу на прилавок.

— Кто-нибудь приходил, кого не видели раньше? Не местный?

Продавщица задумалась. Потёрла нос — тыльной стороной ладони, привычно.

— Приходил, — сказала она. — Высокий. Без шапки. Покупал сигареты. Не наши — не местные. Не видел раньше.

— Когда?

— Не помню. Дней пять назад. Или неделю. Вечером — часов семь. Может, шесть. Темно уже.

— Какие сигареты?

— Не помню. Парламент? Или «Честер». Не помню.

— Тёмная куртка?

— Может. Я на лицо смотрю, не на куртки. Лицо обычное. Молодой. Или не молодой — не скажу. Без шапки, лысый или стриженный.

— Высокий — это какой?

Продавщица показала рукой — на уровне своего лба. Метр восемьдесят, может, больше.

— Спасибо.

Она кивнула. Убрала сдачу в ящик. Позвала следующего — студента с рюкзаком.

Таксист — на стоянке, за углом. Стоянка асфальтовая площадка, три машины. Две «Волги», одна иномарка — серая, грязная. Таксист сидел в «Волге», газета на руле. Не читал — спал. Или дремал. Постучал в стекло. Таксист дёрнулся, открыл глаза.

— Спишь?

— Отдыхаю. Что надо?

— Поговорить. Про Заводскую.

Таксист — лет сорок пять. Лицо круглое, небритое. Кепка, куртка на синтетике. Руки на руле — крупные, с перстнем на мизинце.

— Мент?

— Нет.

— А кто?

— Частный детектив. Расследую убийство на Заводской. Девушка, двадцать три.

Таксист помолчал. Перстень крутнул на пальце, медленно.

— Чего от меня?

— Вывозили кого-нибудь на Заводскую? Вечером, последнюю неделю.

— Я не записываю. Куда повез — туда повез. Мне всё равно.

— Девушку — молодую, двадцать три, светлые волосы?

— Может. А может, нет. Молодых много. Волос светлых, тёмных. Я на затылок смотрю, не на волосы.

— Мужчину — высокого, без шапки?

Таксист посмотрел внимательнее. Глаза сузились.

— Высокий, без шапки. Откуда вы знаете?

— Я не знаю. Я спрашиваю.

— Был. Дней пять назад. Или неделю. Садился здесь — на стоянке. Просил на Заводскую. Подъезд — второй или третий. Не помню.

— Что он сделал?

— Ничего. Сел. Доехал. Вышел. Заплатил. Не разговаривал.

— Как выехал?

— Не видел. Я уехал. Заказ — на Южный. Опоздал почти — из-за него.

— Рост?

— Высокий. Выше меня. — Таксист встал, показал. Метр восемьдесят два, может, восемьдесят пять. — Лысый. Или стриженный. Я не разглядывал. Вечер, фонарь, лицо не видно.

— Куртка?

— Тёмная. Может, синяя. Может, чёрная. Не помню.

— Он нервничал?

— Нет. Спокойный. Сел, поехал, вышел. Обычно. Как все.

— Как все?

— Как все, — повторил. Без выражения.

Он кивнул. Достал сигарету. Протянул таксисту. Таксист взял. Закурили.

— Спасибо.

— Да не за что.

Он ушёл. Таксист смотрел вслед — пять секунд, не больше. Потом сел в машину. Газета на руль. Глаза закрыл.

Камеры. Он обошёл Заводскую — оба конца, оба ряда домов.

Городские камеры — две. На столбах, на кронштейнах, направлены на перекрёсток. Первая не работает. Кожух треснутый, линза мутная, провод оборван. Вторая работает, но мёртвая: объектив загорожен — ветка выросла, никто не спиливал.

Частная — одна. На магазине.

Магазин — «Продукты 24». Не тот, где ларёк. Другой, через дорогу, побольше. Хозяин — средних лет, в очках, мятый свитер. Сидел за прилавком, курил, смотрел телевизор.

— Камера у вас работает?

— Работает. На въезде. Для кого?

— Мне нужен кусок записи. Последняя неделя. Вечер — с шести до двенадцати.

— Вы кто?

— Частный детектив.

— Полиция была. Забрали копию. Вы — после них.

— Мне нужна своя. Своя копия.

— Полиция разрешила?

— Полиция забрала. Вы можете дать копию. Или я приду с постановлением. Через неделю.

Хозяин подумал. Потёр переносицу — очки съехали. Поправил.

— Через неделю не надо. Смотрите сейчас. Копию не дам. Столько смотреть — время. Но можете на мониторе. Там две недели. Если найдёте что — скажете, вырежу.

Он согласился.

Комната за прилавком. Монитор маленький, чёрный, на столе. Клавиатура, мышь. Хозяин набрал пароль, открыл папку, нашёл дату — неделю назад. Нажал «play».

Камера на углу, над козырьком. Объектив на вход в первый подъезд. Часть тротуара, часть подъезда, часть соседнего. Качество плохое. Пиксели, зерно, цвета серые. Но движение видно.

Вечер. Шестнадцать сорок. Девушка входит в кадр — слева. Сумка через плечо, куртка джинсовая, с меховым воротником. Идёт быстро, как бежит, но не бежит. Шаги частые. У подъезда достаёт ключи, открывает, входит. Дверь закрывается. Время — шестнадцать сорок три.

Он смотрел. Перемотал вперёд.

Сорок минут. Семнадцать двадцать три. Мужской силуэт. Справа — из-за угла. Идёт ровно, не быстро, не медленно. Капюшон на голове, но не натянут, виден силуэт головы. Без шапки. Тёмная куртка — до середины бедра. Руки в карманах. Подходит к подъезду. Дверь открывается. Заходит. Не оглядывается.

Время — семнадцать двадцать пять.

Перемотка. Час. Два. Деятнадцать двадцать. Силуэт выходит. Тот же — рост, куртка, походка. Быстро. Не оглядывается. Идёт направо, за угол. Исчезает.

Он отмотал назад. Посмотрел снова. Силуэт спиной, лицо ни разу. Капюшон мешает. Но рост есть. Походка есть. Широкий шаг, плечи прямые, без сутулости. Не крадёт. Идёт, как идёт. Не прячется.

Перемотка — следующий день. Просмотрел с шестнадцати до полуночи. Девушка пришла в семь. Мужчина — нет. Пустой вечер.

Третий день. Девушка в пять. Мужчина в восемнадцать десять. Та же куртка, тот же рост. Вышел в двадцать один. Тот же темп. Не оглядывается.

Четвёртый день пусто. Пятый — девушка пришла. Мужчины нет.

Шестой — девушка пришла в четыре. Мужчины не было. Пустой вечер.

Седьмой день — день убийства. Он знал. Перемотал. Девушка в шестнадцать сорок. Мужчина в семнадцать. Тот же силуэт. Тот же шаг. Вышел в девятнадцать сорок.

Три визита. Три вечера. Третий — день убийства. Тот же человек.

Он достал телефон. Сфотографировал экран — три кадра. Мужчина спиной, в профиль нет. Полный рост на одном. Второй половина, обрезан. Третий лучше, но пиксели. Лицо мутное, неразличимое. Нос, подбородок — может быть. Глаза нет.

Хозяин подошёл. Посмотрел через плечо.

— Нашли?

— Может быть. Скриншоты можете сделать? Три кадра.

— Могу. Распечатать?

— На телефон. Перешлите.

Хозяин переправил. Три файла. Плохое качество. Но рост, куртка, шаг. Достаточно, чтобы сравнить. Недостаточно, чтобы опознать.

Он вышел.

Соседний подъезд. Второй. Тот, где видел силуэт в окне. Три дня назад. Стоял под домом, курил, смотрел вверх. Силуэт в окне третьего этажа. Секунда. Потом пусто.

Он подошёл. Домофон на стене, серый, пыльный. Экран тусклый, но работал. Кнопки — четыре, по числу квартир на этаже. Не по подъезду — по этажам. Первый этаж два, второй два. Восемь квартир.

Нажал — первый этаж, квартира один.

Тишина. Потом щелчок. Женский голос через динамик, тихий, с шипением.

— Да?

— Добрый день. Я расследую убийство на Заводской. Соседний подъезд. Можно спросить — вы что-нибудь видели, слышали?

— Нет. Ничего не видела. Извините.

— Мужчину — высокого, без шапки, тёмная куртка? Может, у подъезда?

— Я не смотрю в окно. Телевизор, кухня. Не знаю. Извините.

Щелчок. Домофон погас.

Квартира два. Нажал. Тишина. Ждал. Десять секунд, двадцать. Никто не ответил.

Квартира три — второй этаж. Нажал. Тишина. Никто.

Квартира четыре. Нажал. Пауза длинная, секунд пять. Потом:

— Да?

Мужской голос. Ровный. Спокойный. Без вопросительной интонации — как ответ, не как вопрос.

— Добрый день. Я расследую убийство по соседству. Можно спросить — вы кого-нибудь видели у соседнего подъезда? Мужчину, высокого, без шапки?

— Ничего не знаю.

Голос не враждебный. Не испуганный. Сухой. Как зачитывают справку.

— Вы живёте на третьем этаже?

— Да.

— Окно выходит на соседний подъезд?

— Да.

— Вы не видели — кто-нибудь стоял у подъезда? Может, смотрел в окна?

Пауза. Две секунды. Три.

— Нет. Ничего не видел.

Щелчок. Домофон погас.

Он стоял. Экран тёмный. Четыре квартиры. Два ответа — «не видел». Два молчание. Мёртвый дом.

Достал блокнот. Коричневый, маленький, в кожаной обложке. Ручка шариковая, синяя. Записал: «Соседний подъезд — ноль. Кв. 1 — не видела. Кв. 2 — нет ответа. Кв. 3 — нет ответа. Кв. 4 — муж., не видел. Вернуться позже.»

Закрыв блокнот. Сунул в карман.

Посмотрел на подъезд. Окно третьего этажа тёмное. Стекло мокрое, грязное. Ничего. Ни движения, ни света.

Повернулся. Пошёл.

Камеры — вот что было сейчас. Силуэт, три вечера, рост, куртка. Это конкретное. Это работа. Соседний подъезд позже. Вернётся. Записал — не забудет.

Дом. Восемь. Вечер. Куртка на вешалку. Ботинки у двери. Блокнот на стол. Телефон рядом. Три скриншота на экране. Силуэт, спиной, пиксели.

Водки не было. Бутылку утром, ещё в главе первой, выбросил. Не покупал. Не замечал. Тело не просило. Или он не слышал.

Кофе. Кипяток, ложка с горкой. Размешал. Ложку в раковину. Сел за стол.

Блокнот раскрыл. Страница чистая. Писал:

«Соседи — бабка, первый этаж. „Парня видела, но всех видишь“. Неполезно. Продавщица — высокий, без шапки, тёмная куртка, сигареты, вечер. Совпадает с камерой. Таксист — высокий, без шапки, на Заводскую, вечером. Совпадает.»

«Камера — магазин „Продукты 24“. Три визита. Дни 1, 3, 7. Вечер — 17:00–17:25. Уход — 19:20–19:40. Рост ~182–185. Куртка тёмная, капюшон. Лица нет. Походка — прямой шаг, ровный, без сутулости. Не прятался.»

«Три визита — не случайность. Приходил — знала, открывала. Приходил поздно, уходил поздно. Не любовник — любовники не уходят в девятнадцать. Не друг — друзья приходят днём. Кто-то, кому доверяла, но с кем не была близка. Кто-то, кто знал расписание.»

«Мотив — пока нет. Круг — есть. Мужчина, высокий, без шапки, тёмная куртка, приезжал трижды. Третий — день убийства.»

Закрыв блокнот. Кофе остыл. Выпил — холодный, горький. Руки на столе. Пальцы не двигались. Думал.

Соседний подъезд — вернуться. Позже. Записал.

Встал. Подошёл к окну. Остовы цехов за забором, чёрные. Снег с копотью на подоконнике, на стекле. Фонарь над перекрёстком мигал. Разгорался, тух. Разгорался.

Тёмная комната. Свет не включал. Стоял. Рука на подоконнике. Пальцы холодные. Стекло холоднее.

Телефон на столе. Экран погас. Блокнот закрыт. Бутылки не было.

Сигарета. Зажигалка щелчок. Тёмная комната, красный огонёк, дым в потолок. Стоял у окна и курил.

Фонарь мигал.

Он затушил сигарету — в раковине, под краном. Шипение. Пар. Тишина.

Лёг. Одеядло с пола, потянул. Накрылся. Потолок — трещина. Пятно сырости. Квадрат на стене.

Закрыв глаза.

Открыл.

Встал. Прошёл к окну. Смотрел. Фонарь мигал. Остовы стояли. Снег падал.

Стоял.

Не спал.

ГЛАВА 6. «Журналистика»

Университет стоял на улице Ленина — единственное здание в районе, где окна были целы. Жёлтый кирпич, три этажа, колонны у входа — облупленные, с трещинами, но стояли. У входа лавка, бетонная, с надписью «Не сидеть». Кто-то сидел — выемка на краю, отполированная.

Он поднялся по ступеням. Двери стеклянные, двойные. Внутри гул, голоса, топот. Студенты. Молодые, в куртках, с рюкзаками. Он прошёл сквозь — плечи, локти, запах дешёвого парфюма и мокрой ткани. Лица не смотрели на него. Он не смотрел на лица.

Факультет журналистики — второй этаж, направо. Дверь деревянная, с табличкой. Белая, пластик, чёрные буквы. Внутри коридор, длинный, с дверями по обеим сторонам. На стенах стенды: расписание, объявления, фотографии. Газетные вырезки в рамках — статьи выпускников. Жёлтая бумага, выцветшие чернила.

Он остановился у расписания. Нашёл: «Котова М., 5 курс, среда, 12:30, аудитория 204». Сегодня среда. Время одиннадцать. Рано. Но он не пришёл на занятие. Он пришёл найти подругу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.